

ОРЛОВСКАЯ

ЕПАРХИАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ИЗДАВАЮТЪ ПРИ ОРЛОВСКОЙ ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРИИ.

XXXIII ГОДЪ.

№ 43.

26-го октября 1897 года.

ОРЕЛЪ.

Типо-литографія В. П. Матвѣева.

1897.

ОРЛОВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ИЗДАВАЮЩАЯСЯ ПРИ ОРЛОВСКОЙ ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРИИ.

XXXIII ГОДЪ.

Годовая цѣна съ пересылкою 6 р. 50 к.

№ 43.

Изданіе еженедѣльное.

26-го октября 1897 года.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Благочинный 2-го участка Орловскаго уѣзда, протоіерей Алексѣй Амелонскій, согласно прошенію, 24-го минувшаго сентября, уволенъ отъ занимаемой имъ должности благочиннаго, а на таковую исправляющимъ должность, 13-го сего октября, назначенъ помощникъ благочиннаго, священникъ села Никитскаго—Солнцева Сергій Лавровъ.

Священникъ церкви с. Людскаго, Орловскаго уѣзда, Іоаннъ Кушневъ, 13-го сего октября, назначенъ помощникомъ благочиннаго 2-го участка, того же уѣзда.

Благодарность Епархіального Начальства.

Объявляется благодарность Епархіального Начальства: 1) старостѣ церкви села Сомова, Карачевскаго уѣзда, Карачевскому мѣщанину Андрею Гуляеву за пожертвованіе 200 руб. на ремонтъ приходскаго храма и 2) прихожанамъ церкви села Сторожева, Орловскаго уѣзда, за пожертвованіе ихъ 150 руб. на вріобрѣтеніе для приходскаго храма новаго колокола.

О Т Ч Е Т Ъ

Іоанно-Богословскаго Попечительства при Орловской Духовной Семинаріи съ 1-го іюля 1896 по 1-е сентября 1897 года.

Іоанно-Богословское Попечительство, учрежденное при домово́й церкви Орловской Духовной Семинаріи главнымъ образомъ для вспомо́ществованія бѣднымъ воспитанникамъ, въ настоящемъ учебномъ году оканчиваетъ 8-ю годовщину своего существованія. Въ виду этого Правленіе Попечительства считаетъ долгомъ представить г.г. Членамъ и сочувствующимъ Попечительству лицамъ отчетъ о составѣ, администраціи, дѣятельности и матеріальныхъ средствахъ Попечительства за прошедшій 1896 г. При этомъ, подводя годичный итогъ, Правленіе съ утѣшеніемъ можетъ отмѣтить, что Іоанно-Богословское Попечительство въ этомъ отчетномъ году, какъ и въ предшествующіе годы своего существованія, не только не оскудѣло, а даже возрасло въ своихъ членахъ добровольно и съ христіанскою любовью принесли въ даръ Попе-

чительству какъ личный свой трудъ, такъ и посильныя денежныя пожертвованія для достиженія добрыхъ истинно-христіанскихъ цѣлей Попечительства. Этотъ отрадный фактъ ясно показываетъ, что Попечительство, какъ живое и безусловно-полезное учрежденіе, постепенно завоевываетъ все большую симпатію, а потому въ будущемъ смѣло можетъ разсчитывать на болѣе широкое развитіе своей дѣятельности. Но въ настоящее время Попечительство при наличныхъ средствахъ далеко еще не можетъ осуществлять вполне главную намѣченную задачу—удовлетворять *всѣмъ* нуждамъ бѣдныхъ воспитанниковъ Семинаріи. Все, что оно сдѣлало и дѣлаетъ, составляетъ только начало и починъ и настоятельно требуетъ дальнѣйшаго расширенія круга дѣятельности Попечительства, что возможно лишь при увеличеніи средствъ, которыми оно располагаетъ. Но и небольшія сравнительно пожертвованія, изъ которыхъ слагаются средства Попечительства, при практикуемомъ способѣ пользованія ими приносятъ большую незамѣнимую пользу. Наглядное доказательство этого представить ниже-предлагаемый отчетъ Попечительства, гдѣ при указаніи движенія денежныхъ суммъ вмѣстѣ отмѣчена будетъ благодѣтельность настоящаго института для бѣдныхъ воспитанниковъ.

І.

Составъ Попечительства.

Членовъ въ Попечительствѣ находилось въ отчетномъ году 286. Въ составъ ихъ входятъ: Почетный Покровитель Попечительства, Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Митрофанъ, Епископъ Орловскій и Сѣвскій, 7 почетныхъ, 58 дѣйствительныхъ и 220 членовъ—соревнователей; принимая-же во вниманіе, что въ числѣ

жертвователей въ пользу Попечительства, кромѣ перечисленныхъ членовъ, имѣется еще 214 собирательныхъ учрежденій—причтовъ не только отдѣльныхъ церквей, но и цѣлыхъ благочинническихъ округовъ,—общее число членовъ Попечительства можно считать восходящимъ до 1000.

Въ составѣ членовъ въ отчетномъ году произошли слѣдующія перемѣны. Бывшій Покровитель Попечительства, почетный пожизненный членъ его, Преосвященнѣйшій Мисаиль перемѣщенъ на епископскую кафедру Могилевскую. При прощаніи съ Семинаріей Преосвященный Мисаиль не забылъ Іоанно-Богословскаго Попечительства, сдѣлавъ педрыій вкладъ въ него въ количествѣ 50 рублей,—въ добавленіе къ прежнему 50 рублевому членскому взносу. Поэтому Правленіе Попечительства считаетъ долгомъ выразить ему свою глубокую благодарность. Въ число почетныхъ пожизненныхъ членовъ съ этого года вступило еше новое лицо—священникъ Троицкой кладбищенской г. Орла церкви о. Михаилъ Ивановичъ Высокій, который раньше трудился на пользу родной Семинаріи въ качествѣ учителя пѣнія, а теперь принесъ свою посильную матеріальную помощь ея нуждающимся питомцамъ. Что касается остальныхъ почетныхъ пожизненныхъ членовъ, то таковыми въ нынѣшнемъ году оставались тѣ-же самыя лица, что и въ прошломъ. Мало измѣненій произошло и въ остальномъ составѣ Попечительства. По примѣру прежнихъ лѣтъ главное большинство его составляло духовенство Орловской епархіи, но не оскудѣвало Попечительство въ своихъ членахъ и изъ свѣтскихъ лицъ. Нѣкоторые члены Попечительства, преимущественно изъ о.о. благочинныхъ, были и дѣятельными его сотрудниками. Попечительство съ благодарностью можетъ назвать имена протоіереевъ: о. Гавріила

Селихова, о. Иоанна Руднева, о. Иоанна Лаврова, о. Иосифа Святскаго; священниковъ: о. Гавріила Бунина, о. Димитрія Некрасова, о. Николая Глѣбова, о. Петра Покровскаго и др. Особенную-же признательность Попечительство должно принести священнику Соборной Троицкой г. Ливень церкви о. Николаю Митрофановичу Иванову, чрезъ посредство котораго въ составъ Попечительства вошло въ отчетномъ году 73 члена со взносомъ 115 рублей 70 коп.

Членамъ Попечительства — настоятелю Брянской Вѣлобережской пустыни, архимандриту Каллистрату и Марьѣ Степановнѣ Адамовой — Попечительство должно быть благодарно за особенно щедрыя пожертвованія.

II.

Составъ и дѣятельность Правленія Попечительства.

Правленіе Попечительства въ отчетномъ году состояло изъ слѣдующихъ лицъ: Предсѣдателя Правленія, Ректора Семинаріи, Протоіерея В. А. Сахарова, Товарища Предсѣдателя, Инспектора С. М. Яницкаго, казначея Н. А. Высоккаго, дѣлопроизводителя А. Е. Соломина и непремѣннаго члена, почетнаго блюстителя по хозяйственной части Семинаріи Д. Е. Гордѣева. Состоявшій раньше въ должности дѣлопроизводителя Правленія Попечительства, преподаватель Семинаріи В. М. Данскій умеръ 27-го марта 1897 года, а на его мѣсто избранъ Правленіемъ помощникъ инспектора Семинаріи А. Е. Соломинъ.

Дѣятельность Правленія въ отчетномъ году состояла въ обсужденіи разнаго рода дѣлъ касающихся Попечительства, въ веденіи письменныхъ сношеній и попеченіи о нуждахъ воспитанниковъ Семинаріи. Поступавшія въ

пользу Попечительства пожертвованія записывались въ приходо-расходную книгу, а списки жертвователей съ показаніемъ полученныхъ отъ нихъ денежныхъ взносовъ Правленіе печатало во всеобщее свѣдѣніе въ „Орловскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“. Расходъ-же денегъ производился по распоряженіямъ Правленія, которыя и записывались въ особо заведенную книгу. Засѣданій Правленія въ отчетномъ году имѣло опредѣленное уставомъ количество. На засѣданіяхъ Правленіе входило въ обстоятельное обсужденіе нуждъ воспитанниковъ. Главное вниманіе Правленіе обращало на одежду воспитанниковъ. Въ отчетномъ году снабжены были новыми суконными курточными парами 34 воспитанника, куртками 12 воспитанниковъ, брюками 9 воспитанниковъ, сапогами 8 воспитанниковъ, пальто 1 воспитанникъ, и одному окончившему курсъ съ званіемъ студента, изъ лучшихъ воспитанниковъ, дано средство для отправленія въ академію. Независимо отъ сего, Попечительство оказывало денежные пособія бѣднѣйшимъ воспитанникамъ, а воспитанникамъ состоятельныхъ родителей, въ случаѣ настоятельной нужды въ деньгахъ, выдавало безпроцентныя ссуды; всего въ теченіи отчетнаго года ссудъ выдано 1384 воспитанникамъ на сумму 4592 рублей, каковыя ссуды воспитанниками и пополнялись своевременно. Въ праздники Рождества Христова и Св. Пасхи на средства Попечительства выдавался чай и сахаръ бѣднѣйшимъ воспитанникамъ, остававшимся въ семинарскомъ корпусѣ.

Имѣя въ виду, что цѣлью Попечительства (§ 2 устава) служить, между прочимъ, содѣйствіе къ поддержанію благолѣпія семинарскаго храма, Правленіе Попечительства выдавало небольшія денежные пособія пѣвчимъ семинарскаго хора за пѣніе въ семинарской церкви во время отпусковъ (на покупку чаю и сахару).

(Продолженіе будетъ).

ПРАЗДНЫЯ МѢСТА

Священническія:

Село Красное, Трубчевскаго уѣзда,—съ 20 сентября, с. Вендерево, Кромскаго уѣзда,—съ 25 сентября, село Крапивна, Трубчевскаго уѣзда,—съ 9 октября и с. Бытошь, Брянскаго уѣзда,—съ 8 октября 1897 г.

Діаконскія:

Село Плоское, Дмитровскаго уѣзда,—съ 11 ноября, с. Подзовалово, Болховскаго уѣзда,—съ 23 декабря 1896 года, с. Рожковичъ, Сѣвскаго уѣзда,—съ 9 января, село Ямное, Трубчевскаго уѣзда,—съ 27 января, с. Турищево, Дмитровскаго уѣзда,—съ 31-го января, село Богословское, Елецкаго уѣзда,—съ 18-го февраля, с. Коростовка и Борисово, Сѣвскаго уѣзда,—съ 23 января, с. Глыбочекъ, Карачевскаго уѣзда,—съ 27 февраля, село Парамоново, Болховскаго уѣзда,—съ 20-го февраля, село Аванасьевское, Елецкаго уѣзда,—съ 19 февраля, село Кривецъ, Ливенскаго уѣзда,—съ 21-го марта, село Чичково, Карачевскаго уѣзда,—съ 28-го марта, село Селечня, Сѣвскаго уѣзда,—съ 19-го апрѣля, село Бытошь, Брянскаго уѣзда,—съ 22-го мая, село Гвилецъ, Кромскаго уѣзда,—съ 21 мая, село Алмазово, того же уѣзда,—съ 6-го іюня, село Бѣжичъ, Брянскаго уѣзда,—съ 10-го іюня, село Шарово, Сѣвскаго уѣзда,—съ 18 іюля, село Ровнецъ, Ливенскаго уѣзда,—съ 1 августа, с. Красное—Скарятново, Малоархангельскаго уѣзда,—съ 31 іюля, с. Архангельское, что подъ Мокрымъ, Мценскаго уѣзда,—съ 31 іюля, село Никольскій Верхъ, Ливенскаго уѣзда,—съ 12-го августа, с. Звенигородское, Орловскаго уѣзда,—съ 12 августа, село Короськово, Кромскаго уѣзда,—съ 28 августа, с. Ломигоръ,

Ливенскаго уѣзда,—съ 27 августа, с. Мужиново, Брянскаго уѣзда,—съ 10 сентября, село Чемлыжъ, Сѣвскаго уѣзда,—съ 20-го сентября, с. Кривцова-Плота, Ливенскаго уѣзда,—съ 2 октября, село Хотимль, Карачевскаго уѣзда,—съ 6 октября, село Дровосѣчное, Малоархангельскаго уѣзда,—съ 6-го октября, село Долгій-Колодезь, Мценскаго уѣзда,—съ 6 октября село Богородицкое, что въ Зміевѣ, Орловскаго уѣзда,—съ 13 октября, село Подолыны, того же уѣзда,—съ 17-го октября, село Озерки, Елецкаго уѣзда,—съ 18 октября и село Студенный—Колодезь, Ливенскаго уѣзда,—съ 24-го октября 1897 г.

Псаломщическія:

Село Покровское—Рѣчица, Ливенскаго уѣзда,—съ 12 іюня, с. Студенный Колодезь, Ливенскаго уѣзд.,—съ 5 іюля, с. Григорово, Болховскаго уѣзда,—съ 11 августа, с. Ровнецъ, Ливенскаго уѣзда,—съ 9-го августа, село Рябчевскъ, Трубчевскаго уѣзда,—съ 10-го сентября, село Георгіевское—Тросна, Орловскаго уѣзда,—съ 13 сентября, село Острово, Ливенскаго уѣзда,—19 сентября, село Борилово, Болховскаго уѣзда,—съ 27 сентября, село Благовѣщенское—Шатилово, Ливенскаго уѣзда,—съ 4-го октября, село Введенское, Мценскаго уѣзда,—съ 6-го октября, село Ратчино, Трубчевскаго уѣзда,—съ 9 октября, село Основка, того же уѣзда,—съ 11-го октября и село Успенское—Кобылье, Ливенскаго уѣзда,—съ 15 октября 1897 г.

И з в ѣ с т і я .

Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Митрофаномъ, Епископомъ Орловскимъ и Сѣвскимъ,—

рукоположены: діаконъ церкви села Чемлыжа, Сѣвскаго уѣзда, Алексѣй Боголюбовъ во священника къ цер-

кви села Добруви, того же уѣзда,—5 октября и окончившій курсъ въ Орловской Духовной Семинаріи Петръ Ивановъ во діакона къ церкви села Дурнева, Орловскаго уѣзда,—9 октября;

опредѣлены: окончившій курсъ въ Орловской Духовной Семинаріи Николай Орловъ на священническое мѣсто къ церкви села Казанскаго, Ливенскаго уѣзда,—11 октября; окончившій курсъ въ Орловской Духовной Семинаріи Николай Андреевъ на діаконское мѣсто къ церкви села Крутаго, Елецкаго уѣзда,—11 октября; *псаломщиками:* бывшій воспитанникъ 3-го класса Орловской Духовной Семинаріи Гавріиль Соколовъ къ церкви села Острова, Ливенскаго уѣзда,—11 октября; бывшій воспитанникъ 1-го класса Орловской Духовной Семинаріи Александръ Острогорскій къ церкви села Озерки, Елецкаго уѣзда,—11 октября; бывшій воспитанникъ 3-го класса Орловской Духовной Семинаріи Борисъ Лебедевъ къ церкви села Нижняго—Воргла, Елецкаго уѣзда,—11 октября; окончившій курсъ въ Орловской Духовной Семинаріи, учитель церковно-приходской школы села Θεодоровки—Владимірской тожь, Малоархангельскаго уѣзда, Владиміръ Благовѣщенскій къ церкви села Троицкаго—Богословскаго, Малоархангельскаго уѣзда,—9 минувшаго сентября; запрещенный въ священнослуженіи безмѣстный священникъ Павелъ Александрійскій къ церкви села Выгоничъ, Трубчевскаго уѣзда,—12 октября и студентъ Орловской Духовной Семинаріи Θεодоръ Орловъ къ церкви села Воронца, Елецкаго уѣзда,—17 октября; *и. д. псаломщика,* безъ жалованья, регентъ хора Его Преосвященства, Рыльскій мѣщанинъ Александръ Шестаковъ къ Крестовой церкви Орловскаго Архіерейскаго дома—14 октября.

перемѣщенъ, по прошенію, діаконъ церкви села Богородицкаго, что въ Зміевѣ, Орловскаго уѣзда, Іоаннь

Адамовъ на праздное діаконское мѣсто къ Ильинской г. Орла церкви—13 октября;

посвященъ въ стихарь псаломщикъ церкви с. Колпны, Малоархангельскаго уѣзда, Тихонъ Азбукинъ—12 октября;

утвержденъ въ должности и. д. псаломщика церкви села Круглаго, Ливенскаго уѣзда, Алексѣй Лосевъ—14 октября;

почисленъ за штатъ, по прошенію, по слабости здоровья, священникъ церкви села Казанскаго, Ливенскаго уѣзда, Павелъ Орловъ—11 октября.

8-го іюля сего года освященъ по чиноположенію церковному обновленный храмъ села Кривчикова, Кромскаго уѣзда.

Священникъ церкви села Старцева, Лепешкино тожъ, Орловскаго уѣзда, Александръ Архангельскій присоединилъ къ православію, чрезъ таинство Св. Крещенія, провизора г. Орла Лейба Гершовича Полякъ, 27 лѣтъ, іудейскаго вѣроисповѣданія, съ нареченіемъ имени „Леонидъ“.

Умерли: псаломщикъ церкви села Успенскаго—Кобыля, Ливенскаго уѣзда, Николай Коноплянцевъ—19 минувшаго сентября и псаломщикъ церкви села Сосновки, Трубчевскаго уѣзда, Григорій Хохловъ—4 го октября.

Редакторъ, священникъ М. Аѳонскій.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

С Л О В О

въ день святаго Апостола и Евангелиста Іоанна
Богослова.

*Сія есть заповѣдь Божія,
да любимъ другъ друга.*

(I Іоан. III гл., 23 ст.)

Этими словами небесный покровитель нашего храма, святыи евангелистъ Іоаннъ Богословъ напоминаетъ намъ о священнѣйшей обязанности челоуѣка въ его отношеніяхъ къ людямъ. И это апостольское напоминаніе, по видимому, вполне гармонируетъ съ запросами текущей дѣйствительности: къ чести нашего просвѣщеннаго вѣка нужно сказать, что вопросъ объ этой обязанности является однимъ изъ тѣхъ жгучихъ вопросовъ, которыми такъ сильно интересуется современное русское общество. Поэтому нисколько не удивительно, что не только богословы, но и философы, соціологи и даже поэты соревнуютъ другъ предъ другомъ въ проповѣданіи любви къ людямъ. Во имя этой любви клеймятъ пороки и недостатки, внушаютъ уваженіе къ личности и правамъ каждаго челоуѣка, требуютъ различныхъ реформъ въ соціальномъ строѣ русскаго народа. Кажется, можно было бы радоваться такому явленію, такъ какъ что можетъ какъ быть выше и чище того ученія, которое проповѣдуетъ союзъ совершенства! ¹⁾

¹⁾ Колос. III гл., 14 ст.

Но какъ ни отрадно это явленіе въ жизни современнаго намъ русскаго общества, слишкомъ восхищаться имъ не слѣдуетъ. Проповѣдуя необходимость любви къ людямъ, нѣкоторые русскіе моралисты, во главѣ съ прославленнымъ писателемъ, нерѣдко обосновываютъ свое ученіе на такихъ умозрительныхъ данныхъ, которыя далеко отстоятъ отъ принциповъ здраваго разума и истинныхъ началъ христіанской религіи, хотя при этомъ они такъ искусно драпированы въ тогу христіанскихъ идей, что многими считаются за убѣжденныхъ защитниковъ христіанской этики и „провозвѣстниковъ новаго откровенія.“ Ихъ рѣчи о любви къ человѣчеству цитируются, какъ непреложное слово истины; ихъ рѣчи повторяются поклонниками, какъ рѣчи „новыхъ апостоловъ.“ Это ясно показываетъ, какая опасность угрожаетъ всякому христіанину, когда и здѣсь и тамъ раздается слово о евангельской любви къ ближнему. При увлеченіи модною, на первый взглядъ, возвышенной теоріей любви къ людямъ, легко попасть въ тонкую сѣть ея обольстительной лжи и даже стать во враждебное отношеніе къ христіанству. И если со стороны всякаго христіанина, то преимущественно со стороны питомцевъ духовной школы, которые готовятся быть руководителями другихъ въ совершеніи спасенія, — необходимы въ этомъ случаѣ большая осторожность и искусство не только отличать истину отъ хитросплетеній лжи, но и опровергать ложныя ученія любви къ людямъ и противопоставлять имъ истину евангельской проповѣди о томъ возвышенномъ предметѣ.

Въ виду этого почтимъ день святаго Евангелиста Іоанна Богослова, какъ проповѣдника христіанской любви и небснаго покровителя нашего храма, размышленіемъ объ основахъ новой теоріи любви къ человѣчеству по сравненію ихъ съ характеромъ христіанскаго ученія о той же священной обязанности человѣка къ ближнему.

По мнѣнію модныхъ учителей нравственности, долгъ безусловно самоотверженной любви къ людямъ возложенъ на человѣка міровымъ разумомъ. Этотъ міровой разумъ является единственной основой всего сущаго, такъ что все разнообразіе внѣшнихъ формъ бытія есть воплощеніе и проявленіе этого абсолютнаго разума. Какъ и окружающая человѣка природа живетъ, развивается и дѣйствуетъ по законамъ этого разума; такъ и человѣкъ въ своей жизни опредѣляется закономъ, исходящимъ отъ того же разума. Слѣдовательно, человѣкъ есть не болѣе, не менѣе какъ какая то форма въ необозримомъ ряду другихъ такихъ же формъ, въ которыя переливается и воплощается жизнь міроваго разума. При такомъ взглядѣ на человѣка было бы странно говорить объ его личныхъ обязанностяхъ къ самому себѣ и какихъ-либо личныхъ его правахъ. Человѣкъ есть и долженъ быть средствомъ для достиженія общей цѣли бытія, которая состоитъ въ единеніи всѣхъ существъ міра. Къ сожалѣнію, достиженію этой цѣли препятствуетъ эгоистическое начало, коренящееся въ личности человѣка. Поэтому истиннымъ назначеніемъ человѣка должно служить отреченіе отъ личности, собственнаго блага и всецѣлое посвященіе ея на служеніе другимъ. Къ выполненію этой задачи невольно располагаетъ людей сознаніе того, что личное благо рѣшительно недостижимо для человѣка, если только онъ будетъ жить для своего самоусовершенствованія и блага своей личности. Въ виду этого человѣку не остается ничего другого, какъ только замѣнить стремленіе къ недоступному личному благу стремленіемъ служить благу окружающихъ. По словамъ новыхъ учителей нравственности, истинная жизнь человѣка получаетъ свой высшій смыслъ и начинается лишь съ того момента, какъ человѣкъ отрекся отъ блага своей личности и сталъ жить для блага ближняго.

Несмотря на видимую возвышенность ученія новыхъ проповѣдниковъ любви къ человѣчеству, это ученіе, при ближайшемъ разсмотрѣніи его главныхъ тезисовъ, не удовлетворяетъ требованіямъ здраваго разума и не соотвѣтствуетъ христіанскому ученію о любви къ ближнему, хотя оно и выдается за послѣднее. Въ самомъ дѣлѣ, кто въ новой теоріи любви признается виновникомъ закона служенія благу ближняго?—Какой то міровой безличный разумъ! Но можетъ ли онъ быть въ дѣйствительности творцомъ этого закона?—Конечно, нѣтъ! Чтобы заповѣль о любви могла исходить отъ міроваго разума требуется высокая степень сознательности въ немъ. Міровой разумъ, по крайней мѣрѣ, долженъ безусловно сознавать все, что касается любви, эгоизма и всеобщаго блага, которое можетъ быть осуществлено при водвореніи всеобщей любви въ сердцахъ людей. Но развѣ допустимо все это въ бессознательномъ разумѣ?—Для существа, которое лишено сознанія нѣтъ ни того, что происходитъ внутри его,—ни того, что совершается внѣ его. Впрочемъ если и допустить присутствіе сознанія въ міровомъ разумѣ; то новая теорія нисколько не выигрываетъ отъ этого. Разумъ только способенъ отличать умное отъ неразумнаго, вредное отъ полезнаго; но онъ лишенъ способности различать дурное отъ добраго въ нравственномъ значеніи этого слова,—здѣсь требуются другія силы,—силы нравственныя. Слѣдовательно, для установленія закона любви, имѣющаго конечною своею цѣлью добро, міровой разумъ долженъ обладать нравственными качествами,—въ противномъ случаѣ самъ виновникъ этого закона не въ состояніи чувствовать и сознавать одно, какъ нравственно доброе, а другое, какъ нравственно злое. Этого мало! Чтобы законъ любви сталъ всеобщимъ закономъ человѣческой жизни, міровому разуму необходимо

быть живымъ воплощеніемъ благодѣи, — иначе его заповѣди не будутъ имѣть для человѣка дѣйствительно-обязательнаго значенія. Но кто, кромѣ свободно-разумной личности, можетъ быть носителемъ благодѣи и всякаго совершенства? Такимъ образомъ, чтобы можно было считать виновникомъ закона любви міровой разумъ, должно признать въ немъ личность. Между тѣмъ новые моралисты отрицаютъ въ міровомъ разумѣ личность и тѣмъ самымъ лишаютъ его права признавать законоположникомъ высочайшей заповѣди любви къ людямъ. Можно даже сказать большее: — міровой разумъ, который признается основою міра и любви, нельзя считать дѣйствительно существующимъ. Какъ извѣстно, разумъ есть способность вырабатывать понятіе о предметахъ, комбинировать ихъ въ сужденія и умозаключенія. Но мыслимо ли самое бытіе этой способности безъ существа, которому она принадлежитъ? Разумѣется, нѣтъ: разумъ считается однимъ изъ коренныхъ свойствъ личнаго существа. Но новые учителя нравственности не желаютъ приурочить міровой разумъ къ личному существу и потому превращаютъ признаваемую ими основу всего сущаго въ одинъ пустой, ничего не говорящій уму и сердцу звукъ. Если же это такъ, то теорія современныхъ моралистовъ не объясняетъ, откуда и какъ могла появиться въ мірѣ заповѣдь о любви къ людямъ.

Съ другой стороны, и человѣкъ, которому міровымъ разумомъ данъ законъ любви, въ ученіи новыхъ проповѣдниковъ, представляется существомъ, не имѣющимъ возможности выполнить этотъ самый законъ. Чтобы въ своей жизни человѣкъ могъ слѣдовать предписаніямъ какого либо нравственнаго кодекса и жить сознательно-нравственною дѣятельностію, онъ, конечно, долженъ быть самостоятельнымъ существомъ, которое обладаетъ разу-

момъ и свободою воли. Только при этомъ условіи его дѣятельность не превращается въ простой механической процессъ и получаетъ нравственную цѣнность. Но новые проповѣдники любви къ людямъ совершенно не раздѣляютъ подобнаго взгляда на человѣка и провозглашаютъ такой парадоксъ, противъ котораго вооружается даже непосредственное сознание: это—отрицаніе воли въ человѣкѣ. По ихъ мнѣнію, человѣкъ представляетъ собою одну изъ тѣхъ многочисленныхъ формъ, въ которыхъ проявляется жизнь міроваго разума. Но если допустить это, то, по закону логической необходимости, слѣдуетъ признать, что человѣкъ уже—не господинъ своихъ дѣйствій, а только слѣпое орудіе міроваго разума. Какъ же послѣ того человѣкъ можетъ выполнять возлагаемую на него важную задачу, задачу воплощенія въ жизни и дѣлахъ любви къ человѣчеству? Находясь въ полной зависимости отъ міроваго разума, человѣкъ даже не въ состояніи различать въ своей жизни—ни любви, ни ненависти къ людямъ: и то и другое чувство—не актъ свободной его воли, а только извѣстная форма проявленія міроваго разума. Поэтому онъ даже не долженъ подлежать ответственности за свои дѣйствія. При такомъ своеобразномъ возрѣніи на человѣка, естественно остановиться на идеѣ отреченія отъ личнаго блага, какъ источникѣ, изъ котораго должна вытекать любовь къ людямъ и служеніе ихъ благу. И, дѣйствительно, любовь, въ новой теоріи, возникаетъ въ человѣческомъ сердцѣ не путемъ възгрѣванія добрыхъ вѣжныхъ чувствъ по отношенію къ ближнимъ, но единственно путемъ подавленія въ себѣ стремленія къ личному благу. Такимъ образомъ любовь является чисто отрицательнымъ началомъ, холоднымъ разсудочнымъ выводомъ изъ подавленія законной любви къ своему я, а не тѣмъ дыханіемъ вѣжнаго доброжелательства, которое оживляетъ человѣка

въ его дѣятельности на пользу ближняго, и которое мы привыкли соединять съ понятіемъ о чувствѣ любви.

Наконецъ, самый мотивъ, который могъ бы побуждать человѣка къ исполненію закона любви къ людямъ, въ ученіи новыхъ проповѣдниковъ, лишень сколько—нибудь основательнаго значенія. Что въ новой теоріи выставляется мотивомъ служенія благу ближнихъ?—Недостижимость личнаго блага другимъ какииъ либо путемъ, кромѣ любви къ ближнему! Но понятенъ ли для неразвитаго сознанія подобный отвлеченный мотивъ? Нѣтъ! Между тѣмъ побужденія къ той или другой дѣятельности должны быть понятны для того, кто принимается за известное дѣло;—иначе онъ не въ состояніи вдохновиться этою дѣятельностью. Выставляемый въ новой теоріи любви мотивъ служенія благу людей понятенъ лишь для неудачниковъ; для баловня же судьбы онъ останется неразгаданнымъ сфинксомъ. Съ другой стороны, мотивъ для той или другой нравственной дѣятельности долженъ быть безкорыстнымъ,—чуждымъ узкаго эгоистическаго разчета. Но видимъ ли мы это въ ученіи современныхъ моралистовъ? Побужденіе, на какое указываетъ новая теорія любви къ человѣчеству, лишено нравственной цѣнности. По смыслу новаго ученія выходитъ, что если бы человѣкъ могъ достигать личнаго счастья безъ служенія благу окружающихъ его лицъ; то ему не было бы никакого дѣла до ближняго и его пользы. Очевидно, подобный мотивъ сводится въ сущности къ грубому эгоистическому разчету и заботливости человѣка исключительно о самомъ себѣ. И что же въ концѣ концовъ сказывается?—То, что новые проповѣдники любви къ людямъ, такъ много, повидимому, ратовавшіе за альтруизмъ, кончаютъ свое ученіе проповѣдью объ узкомъ эгоизмѣ, который не можетъ не возмущать всякое здоровое нравственное чувство.

Вотъ къ какимъ печальнымъ результатамъ приведетъ ученіе новоявленныхъ моралистовъ, которые, порвавъ связь съ христіанской религіей, создали теорію любви исключительно на основаніи умствованій своего разума. И это нисколько не удивительно: *не отъ терніа бо чешутъ смоквы, ни отъ купины емлютъ гроздіа*, ²⁾ говоритъ Господь. Это ясно показываетъ, гдѣ мы должны искать столько же твердаго, сколько и несомнѣннаго обоснованія ученія о любви къ ближнему. Такое именно ученіе и преподается намъ въ христіанской религіи.

Для объясненія глубокаго смысла заповѣди о любви къ человѣчеству, Божественная религія указываетъ намъ высочайшую основу всего видимаго и постигаемаго. Всѣмъ міромъ и процессомъ его жизни управляетъ не тотъ безличный міровой разумъ, о которомъ проповѣдуется новыми мыслителями, но Высочайшее, Всесовершеннѣйшее Существо, именуемое Богомъ, исполненное безконечной любви ³⁾. Составляя полноту Божественнаго существа, любовь Божественная такъ совершенна, что она проявляется во всѣхъ дѣйствіяхъ Божества. Любовь Божественная не желаетъ наслаждаться созерцаніемъ только Себя и Своихъ совершенствъ, но хочетъ, чтобы эта любовь и соединенныя съ нею блага разлились по лицу всего міра. И вотъ отъ одного творческаго слова Божественной любви изъ небытія, изъ хаоса возникаетъ міръ со всѣмъ разнообразіемъ его формъ. Та же самая любовь Божественная даетъ разумное и цѣлесообразное направленіе развитію жизненнаго процесса всего міра и въ частности человѣка, при чемъ Божество не сливается съ самымъ міромъ и остается всегда личнымъ существомъ. Своего высшего обнаруженія Божественная любовь достигаетъ въ

²⁾ Лук. VI гл., 44 ст.

³⁾ I Іоан. IV гл., 16 ст.

человѣкъ, который является отображеніемъ Божества и Его благости. И если въ Богѣ всѣ свойства—облаченія любви, всѣ дѣйствія—выраженіе любви; то и въ человѣкѣ,—этомъ образѣ и подобіи Божию,—всѣ силы его духа только тогда дѣйствуютъ правильно, когда источникомъ и цѣлью ихъ дѣйствій бываетъ любовь. Въ этомъ отношеніи истиннымъ человѣкомъ, какъ и совершеннымъ христіаниномъ, можно назвать только того, въ комъ *любы Божія совершенна есть* 4). Всѣ достоинства человѣка, всѣ его подвиги безъ любви къ Богу и ближнему теряютъ свою цѣнность, такъ какъ во всемъ этомъ не проявляется полноты истинной человѣческой жизни,—тутъ нѣтъ еще уподобленія Богу, Который *любы есть* 5). *Аще языки человѣческими глаголю и ангельскими*, говоритъ святой апостоль Павелъ, *любве же не имамъ, быхъ яко мѣдь звенящи или кимвалъ звяцающій, и аще имамъ пророчество, и възъмъ тайны еся и весь разумъ, и аще имамъ всю вѣру, яко и горы престаивати, любве же не имамъ, ничтоже есмь; и аще раздамъ вся имѣнія моя, и аще предамъ тѣло мое, во еже сжещи е, любве же не имамъ, никакая польза ми есть* 6).

Заложивъ въ тайникахъ души человѣческой, какъ своемъ образѣ, стремленіе любить ближняго, любовь Божественная однако предоставляетъ волѣ человѣка развивать естественными силами это стремленіе. И мы видимъ, что это чувство сердца заявляетъ себя вездѣ, подъ какими бы географическими градусами ни находился человѣкъ, и характеризуется инстинктивнымъ ея стремленіемъ жить въ обществѣ людей и приносить имъ посильную помощь. Но чтобы это стремленіе сказывалось въ обще-

4) I Иоан. II гл., 5 ст.

5) I Иоан. IV гл., 16 ст.

6) I Коринт. XIII гл., 1—3 ст.

ственныхъ отношеніяхъ яснѣе и было сознательнымъ, нравственно обязательнымъ подвигомъ, Божество, какъ высочайшая любовь, даетъ человѣку и внѣшнюю заповѣдь служить благу ближняго во имя любви къ Богу и человѣчеству ⁷⁾. Однако и слѣдованіе предписаніямъ внѣшней заповѣди о любви Богъ предоставляетъ свободной волѣ человѣка. Къ сожалѣнію, человѣкъ не всегда остается на высотѣ своего призванія, не всегда слѣдуетъ и естественному внушенію своего сердца, и требованіямъ Божественной заповѣди о любви къ ближнему. Коренная причина такого противоестественнаго хода вещей заключается въ грѣхопаденіи нашихъ прародителей, которое по своему существу было ни чѣмъ инымъ, какъ уклоненіемъ отъ закона любви къ Богу и человѣчеству, такъ какъ первые люди вкушеніемъ отъ запрещеннаго плода, съ одной стороны, обнаружили открытую вражду противъ Бога, съ другой—повергли не только себя, но и все свое потомство разрушительнымъ слѣдствіямъ грѣха—тѣлеснымъ болѣзнямъ, смерти и духовному растлѣнію. Здѣсь-то, въ этой ужасной трагедіи, и скрывается разгадка страшной борьбы между свѣтомъ и тьмою, между добромъ и зломъ, между любовью и ненавистью,—борьбы, которая постоянно происходитъ предъ нашими глазами. Изъ этой борьбы, при естественной наклонности человѣка къ грѣху, падшій человѣкъ никогда не вышелъ бы побѣдителемъ, если бы Божественная любовь не простерла руку помощи и не нашла чрезвычайнаго средства возвратить человѣка на путь любви, дать ему силы преодолѣть наклонность ко враждѣ противъ Бога и ближняго, которую онъ получилъ въ своемъ паденіи. Въ предвѣчномъ совѣтѣ любви Трѣипостаснаго Бога было рѣшено послать Единороднаго Сына Божія для спасенія міра. И вотъ

⁷⁾ Быт. II гл., 24 ст., ср. Левит. XIX гл., 18 ст.

Богъ явися во плоти, ⁸⁾ Себе умалилъ, зракъ раба приимъ, въ подобіи чекотьчествъ бывъ и образомъ обрътсся, якоже чловѣкъ, смирилъ Себе, послушилсѣ былъ даже до смерти, смерти же крестныя, ⁹⁾ да всякъ вѣрующій въ Онъ не погибнетъ, но имать животъ вѣчный ¹⁰⁾. Послѣ этой жертвы чловѣкъ уже не рабъ грѣхи, а сынъ свободы: ¹¹⁾ теперь онъ не тьма, а свѣтъ, ¹²⁾ теперь онъ не мертвъ, а оживленъ Христомъ ¹³⁾. И какое слово можетъ изобразить, какой умъ можетъ объять и постигнуть все величіе этой голгоевской жертвы и ея искупительныхъ слѣдствій. Но любовь Божественная, явленная въ актѣ творенія и искушенія чловѣка, простерлась далѣе: она не только возвратила падшему чловѣку утраченныя при грѣхопаденіи совершенства, но и даровала ему въ таинствахъ церкви *вся божественныя силы, яже къ животу и благочестію*, ¹⁴⁾ — силы, столь необходимыя для нравственнаго самоусовершенствованія чловѣка путемъ исполненія заповѣди о любви къ Богу, чловѣку и самому себѣ ¹⁵⁾.

Такимъ образомъ чловѣку даны всѣ средства къ тому, чтобы онъ возлюбилъ Бога, возлюбилъ и ближняго, какъ самого себя; но все это нравственно обязываетъ чловѣка къ борьбѣ съ самолюбіемъ, которое гнѣздится въ его сердцѣ, — къ борьбѣ съ самимъ собою во имя любви къ Богу и ближнему. Борьба эта трудна; но чловѣкъ не долженъ прекращать этой борьбы съ себялюбіемъ, — къ

⁸⁾ Тимое. III гл., 16 ст.

⁹⁾ Филип. II гл., 7—8 ст.

¹⁰⁾ Иоан. III гл., 16 ст.

¹¹⁾ Римл. VI гл., 20—23 ст.

¹²⁾ Ефес. V гл., 8 ст.

¹³⁾ Колос. II гл., 12—13 ст.

¹⁴⁾ 2 петр. I гл., 3 ст.

¹⁵⁾ Лук. X глава, 27 ст.

продолженію ея онъ можетъ почерпать силы и вдохновляться глубокимъ сожалѣніемъ того, что всѣ люди—братья между собою по крови;—что всѣ они—дѣти Божіи, искупленныя кровью Агнца, закланнаго прежде сложенія міра, предназначенныя къ высокой цѣли единенія со Христомъ,—что любовь къ людямъ является необходимымъ условіемъ ихъ земноблагоденствія и нравственнаго усовершенствованія;—что любовь къ ближнему представляетъ собою ключъ, открывающій дверь въ вѣчное царство любви, такъ какъ въ это царство, по слову Спасителя міра, Божественное правосудіе призоветъ исключительно тѣхъ, которые укоренили и возрастили въ себѣ любовь къ человечеству ¹⁶). И сбудется тогда слово божественнаго тайновидца, который сказалъ, что въ эти дни люди *рискуютъ мечи своя на орала и копія своя на серпы и не навькнутъ ктому ратоватися* ¹⁷). Во имя всѣхъ этихъ и подобныхъ имъ мотивовъ, во имя своей любви къ Богу, человекъ долженъ отрѣшиться отъ эгоистическихъ стремленій и возлюбить ближняго, *какъ самого себя* ¹⁸),—возлюбить *не словомъ, не лязкомъ, но деломъ и истиною* ¹⁹),—возлюбить до самопожертвованія, доходящаго до готовности *положить душу свою за други своя* ²⁰).

Такова сущность христіанскаго ученія о любви къ людямъ! И если бы вы теперь дали себѣ трудъ оглянуться назадъ и сравнить самопротиворѣчивую теорію новой любви съ высокими идеалами христіанской любви; то, безъ сомнѣнія, вы увидѣли бы, что ученіе христіан-

¹⁶) Матѳ. XXV гл., 31—40 ст.

¹⁷) Исаія II гл., 4 ст., ср. XI гл., 5—10 ст.

¹⁸) Лук. X гл., 27—28 ст.

¹⁹) I Иоан. III гл., 18 ст.

²⁰) I Иоан. III гл., 16 ст., ср. Иоан. XV гл., 13 ст.

ской религіи о любви къ ближнему своєю чистою и высокою неизмѣримо превоеходитъ проповѣди новыхъ моралистовъ. Смотрите сами! Тамъ, въ новой морали, основа всего—безличный разумъ; здѣсь, въ христіанской этикѣ,—личный Богъ; тамъ—разумъ, сливающійся съ міромъ, здѣсь—безконечное Божество, пребывающее въ мірѣ, но несливающееся съ природою конечныхъ вещей; тамъ—міровой разумъ, полагающій законъ любви, но лишенный понятія объ этомъ законѣ и средствахъ его осуществленія; здѣсь—безконечная любовь, ведущая человѣка всѣми средствами къ воплощенію любви къ людямъ въ его дѣятельности; тамъ—человѣкъ, не имѣющій никакой нравственной жизнедѣятельности, лишенный собственнаго самоопредѣленія; здѣсь—человѣкъ, при помощи Божественной благодати обладающій и свободою воли, и силами для совершенія подвиговъ нравственной борьбы съ себялюбіемъ и зломъ; тамъ двигателемъ жизни—холодный разсудокъ безъ сердечнаго вдохновенія,—здѣсь сердечное вдохновеніе съ разсудкомъ; тамъ—подавленіе своей личности, здѣсь—возвышеніе своего внутренняго я; тамъ выгода, здѣсь—самопожертвованіе, тамъ—жертвенность, здѣсь—жизнь; тамъ общее исчезновеніе въ нирванѣ, здѣсь—вѣчная жизнь всѣхъ праведныхъ въ Богѣ. Гдѣ же перевѣсъ?—Конечно, на сторонѣ христіанскаго ученія о любви къ ближнему!

И что убо речемъ? Пребудемъ ли во грѣсѣ, ²¹⁾—грѣсѣ увлеченія новыми теоріями любви къ человѣчеству,—увлеченія, доходящаго,—страшно подумать,—до стремленія признавать ихъ болѣе чистыми и возвышенными по сравненію съ христіанской этикой? *Да не будетъ!* Пора оставить дурную привычку преклоняться предъ человѣческими умозрительными системами! Пора, давно уже пора, почувствовать, понять и убѣдиться, что христіан-

²¹⁾ Рим. VI гл. 1 ст.

ская этика стоит бесконечно выше всего того, что когда либо измышлялъ человѣческій разумъ, отрѣшенный отъ принциповъ христіанской религіи! Особенно вы, возлюбленные воспитанники, какъ еще неопытные юноши, *блюдитесь, ба никтоже въ васъ будетъ прельщая философією и тщетною лестію, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христу* ²²⁾. Поэтому всякій разъ, когда будетъ раздаваться гдѣ либо даже вдохновенная, увлекательная проповѣдь о любви къ людямъ, внимательно всматривайтесь въ тѣ основы, на которыя опирается слово о любви къ человѣчеству, и провѣряйте ихъ при свѣтѣ евангельскаго ученія о томъ же предметѣ. Только въ этомъ случаѣ каждый изъ васъ предохранитъ себя отъ опаснаго увлеченія ложными теоріями и, проникаясь духомъ христіанскаго пониманія любви къ человѣчеству, можетъ безбоязненно выступить и слѣдовать по этому *царскому* пути, пути исполненія высшаго закона христіанской жизни.

Ты же, о, великій апостоле любви, святыи евангелисте Іоанне Богослове, возлежай на персѣхъ Божественнаго твоего Учителя, призи днесь на насъ, свѣтло празднующихъ святую память твою, озари умы наши свѣтомъ твоего боговѣдѣнія, сердца же наши оживотвори твоею любовію ко Христу, да любовь Божественная, молитвами твоими, поможетъ всѣмъ намъ понять и пронести въ нашу жизнь заповѣдь, *да любимъ другъ друга!* Аминь.

И. Богдановъ.

²²⁾ Колос. II гл., 8 ст.

Замѣчательный отзывъ француза—католика о богослуженіи православной Церкви.

Наше православное богослуженіе, какъ извѣстно, въ послѣднее время сдѣлалось предметомъ вниманія иностранцевъ. Начало этому знакомству положено было со времени франко-русскаго сближенія въ 1891 году, когда французы имѣли возможность ознакомиться съ глубокою религіозностью и преданностью Церкви какъ Главы русскаго государства, какъ и всего народа. Ковчина Императора Александра III, торжественныя процессіи при перевезеніи тѣла почившаго Императора изъ Ливадіи въ Москву и Петербургъ, наконецъ самое погребеніе оставили глубокой, неизгладимый слѣдъ въ сердцахъ всѣхъ свидѣтелей и очевидцевъ похороннаго церемоніала, и отзывы иностранныхъ представителей печати объ этихъ процессіяхъ исполнены удивленія къ необыкновенной красотѣ, силѣ и жизненности богослуженія русской Церкви и особенно русскаго церковнаго обряда погребенія умершихъ. Тогда же въ Англіи принято было дополнять обрядъ англиканской церкви нѣкоторыми частями изъ обряда православнаго погребенія, а въ настоящее время это дополненіе сдѣлалось уже необходимымъ дополненіемъ на великосвѣтскихъ похоронахъ. Теперь мы познакомимъ нашихъ читателей съ замѣчательнымъ, по тонкой художественности и по глубинѣ и мѣткости наблюденія, отзывомъ о нашемъ богослуженіи француза—католика. Отзывъ этотъ замѣчательнѣе и поучительнѣе въ особенности для тѣхъ изъ блудныхъ сыновъ нашей Церкви, которые, не посѣщая церкви, отторглись отъ нея, готовы вдаться въ тру всякаго ученія, кромѣ своего роднаго отечественнаго православія. Восторженныя отзывы француза могутъ открыть глаза и всѣмъ неимѣющимъ должнаго уваженія, пониманія и вкуса къ богослужебному обряду нашей Церкви.

Французъ рассказываетъ о томъ, по его словамъ, „могучемъ, неувыдаемомъ“ впечатлѣніи, которое произвела на него торжественная служба въ Троице-Сергіевой лаврѣ въ дни 4-го и 5-го іюля, когда въ ней по случаю празднованія обрѣтенія нетлѣнныхъ мощей преп. Сергія Радонежскаго совершается митрополичье служеніе во всемъ его благолѣпії и съ строгимъ соблюденіемъ лаврскаго чина. Французъ рассказывалъ, что ему довелось однажды присутствовать при торжественномъ католическомъ богослуженіи въ Римѣ, при участіи самаго папы. До сего времени это было самое сильное впечатлѣніе, полученное имъ отъ церковной службы. „Я былъ тогда моложе, говорилъ онъ, и, конечно, гораздо воспримчивѣе, чѣмъ сейчасъ, въ мои зрѣлые годы. Я хорошо помню, какъ тогда буквально подавляли и въ то же время восхищали меня и эта внушительная декоративная пышность папскаго ритуала, и эти всезаполняющіе густые аккорды огромнаго церковнаго органа... Но теперь, по сравненію съ тѣмъ, что я впервые увидѣлъ передъ собою въ лаврѣ въ дни 4 и 5 іюля, все это прежде испытанное мною какъ-то сразу поблѣднѣло, потускло... Я только теперь ясно уразумѣлъ, что то была именно „пышность“, а не „торжественность“. А могучіе возгласы вашего протодіакона, покрываемые *жицеми, свободно стройными* хорами вашихъ пѣвчихъ, заставляли меня вспоминать объ органѣ, какъ о чемъ-то тяжеломъ и механически неповоротливомъ“.

Кто-то изъ слушавшихъ замѣтилъ, что француза „католическій органъ также имѣетъ свою прелесть и уже если толковать о сліянїи (Церквей), то можетъ быть и мы въ свою очередь будемъ не прочь къ нашимъ пѣвчимъ добавитъ органъ для особо торжественныхъ случаевъ. „Нѣтъ,

это не такъ... Я съ вами не согласенъ,—возразилъ ему французъ:—У меня тутъ своя особенная мысль... Вы понимаете,—тамъ, въ органѣ, деревянная или металлическая дудка, насильно вдохновляемая машинными мѣхами!... А здѣсь на мѣсто каждой дудки, поставленъ *живой* человѣкъ, свободно вдохновляемый своимъ собственнымъ торжественнымъ настроеніемъ! Разница громадная!

Эту же самую мысль развилъ онъ еще и по отношенію къ нашему колокольному звону сравнительно со звономъ, который раздается у нихъ, на Западѣ, съ ихъ церковныхъ колоколенъ. Тонкая наблюдательность дала себя знать и здѣсь во всей своей оригинальности. Прельщенный звукомъ большаго колокола Лаврской колокольни, французъ долго слушалъ звонъ съ разныхъ мѣстъ двора. Узнавъ, что можно пойти на колокольню, любознательный французъ тотчасъ же взобрался туда, чтобы испытать какое впечатлѣніе производить звукъ нашихъ колоколовъ вблизи и какъ именно звонять у насъ. И вотъ что онъ говорилъ по этому поводу: „Мы на Западѣ совсѣмъ не имѣемъ понятія о такомъ, дѣйствительно, радостномъ перезвонѣ, да и самые колокола у насъ звучатъ совсѣмъ иначе. И это опять зависитъ оттого, что на Западѣ звонъ—*механическій*, а здѣсь у васъ—*онъ живой!* Мнѣ было довольно страшно тамъ, на высотѣ, около этой ревущей мѣди, но за то—какъ это грандіозно!..

„Подъ громаднымъ жерломъ главнаго, самаго страшнаго гиганта стоялъ мускулистый человѣкъ и раскачивалъ его тяжелый многопудовый „языкъ“*). Меня все время пугала мысль, что этотъ гигантъ можетъ сорваться съ его крѣпкихъ оковъ на перекладинахъ, къ которымъ онъ подвѣшенъ, и тогда—что станется съ этимъ человѣкомъ, да и съ нами, вмѣстѣ съ этой колокольной?!..

*) Большой лаврскій колоколъ, называемый „Царь“, вѣситъ болѣе 4000 пуд., а языкъ раскачиваютъ 6—8 человѣкъ.

„Объятый невольнымъ страхомъ, я держался поодаль отъ колокола, и тутъ мнѣ показалось, что этотъ звонарь какъ будто слѣпой... Можетъ быть, часто стоя здѣсь подъ колоколомъ, онъ при этомъ еще и глухой? Теперь онъ уже прямо въ моихъ глазахъ имѣлъ видъ „обреченнаго“... Я вспомнилъ „Квазимодо“ Виктора Гюго въ его *Notre Dame de Paris*... **) Долѣе я оставаться здѣсь не могъ, и мы сошли внизъ. Но теперь я уже хорошо знаю, что значить „звонить“ и что такое русскій колокольный звонъ.— Я видѣлъ вблизи, какъ у насъ этотъ „языкъ“ колокола, движимый *живою* человѣческой силою, каждый разъ отпрядываетъ отъ края обратно, чтобы затѣмъ вновь свободно удариться о другой край. Вслѣдствіе этого каждый разъ раздается полный и сильный свободный и живой звукъ! У насъ на Западѣ, наоборотъ,—качается верхняя деревянная перекладина и вмѣстѣ съ нею весь колоколь, а „языкъ“, который у насъ даже и не можетъ имѣть такого названія, нескладно бьется по бокамъ колокола, прилегая и орзая по краямъ и тѣмъ самымъ несомнѣнно мѣшая звуку.“

„Получается вѣчто въ полномъ смыслѣ жалостное, не могущее идти даже въ отдаленное сравненіе съ нашимъ мощнымъ и полнымъ звукомъ. И мнѣ опять хочется сказать, въ пополненіе моей мысли—звукомъ *живымъ и свободнымъ!*...“

„Далѣе французъ остановился на чтеніи протодіакономъ евангелія предъ раскрытыми дверями алтари и на возгласеніи имъ же многолѣтія въ концѣ службы. „Я въ первый разъ въ жизни, говорилъ онъ, слышалъ такое чтеніе, и оно меня чрезвычайно поразило. И замѣтьте, этотъ способъ чтенія опять таки подкрѣпляетъ вѣрность высказанной мною мысли. Начавъ чтеніе густымъ басомъ,

**) Квазимода — глухой звонарь Собора Парижской Богоматери, выведенный въ романѣ Гюго.

на самыхъ низкихъ нотахъ, словно изъ глубины, изъ отдаленныхъ вѣковъ, протодіаконъ постепенно восходилъ все выше и выше, на каждомъ окончаніи фразы всегда оттягивая и повышая концы... Ведя такимъ образомъ чтеніе, онъ закончилъ, завѣнчалъ его на самой высокой нотѣ, и эту послѣднюю особенно продолжительно вытянулъ, съ поднятіемъ какъ бы на недосыгаемую высоту... Да, вѣдь это же чистѣйшій готическій стиль! И притомъ не связанный, а свободный и живой!... Безконечно разнообразный! живой готическій стиль! Отчетливо и ясно высяты отдѣльныя остроконечныя башенки и затѣмъ этотъ главный, заключительный шпигль, уходящій прямо въ небо!.. Все то, что тамъ дѣлается при помощи мертваго камня и разныхъ приспособленій, здѣсь то же самое въ нѣсколько минутъ чудодѣйственно выстроилъ человѣческой голосъ, благовѣствуя слово Божіе!..“ Въ дальнѣйшемъ разскащикъ, между прочимъ, высказалъ еще нѣсколько интересныхъ мыслей, изъ которыхъ приводимъ слѣдующія: „Религія, говорилъ онъ, всегда опредѣляла и будетъ опредѣлять народъ. И не только его характеръ, но часто разгадку всей исторической жизни народа можно найти именно въ его религіи. И тутъ, кромѣ самой сущности, чрезвычайно важны и всѣ тѣ формы, въ которыхъ отливается эта сущность, вся обрядовая сторона вѣроисповѣданія, даже до самыхъ мелочей. Въ этомъ отношеніи, насколько мнѣ извѣстно, весь нашъ Западъ можетъ во многомъ и очень многомъ позавидовать православному Востоку. Теперь уже, какъ вы хорошо знаете, и у насъ на Западѣ всѣ наиболѣе искренніе просвѣщенные умы пустились на поиски за утраченною вѣрой... И вотъ—такое именно, какъ я видѣлъ, ваше торжественное богослуженіе!.. Я все время стоялъ въ храмѣ и думалъ: какою благотворною цѣльностью и полнотою, какимъ уми-

твореніемъ должно отзывать такое служеніе на современномъ человѣкѣ!“

Приведенныя нами строки указываютъ на то, какой глубокой смыслъ и какая художественная красота заключена въ чинѣ нашего богослуженія, когда оно совершается истово съ надлежащею полнотою и съ строгимъ соблюденіемъ указаній устава церковнаго. Нашъ суетный вѣкъ недостаточно цѣнитъ эту сторону богослуженія—его полноту и строгое исполненіе устава; онъ хочетъ изъ богослуженія сдѣлать приманку для услажденія музыкальнаго слуха и удовлетворенія празднаго любопытства и тѣмъ привлечь къ посѣщенію храмовъ, правильно сознавая, что пѣніе есть важнѣйшая составная часть нашего богослуженія. Но какъ бѣдны, ничтожны даже въ музыкальномъ отношеніи тѣ композиціи, которыми наши церковные хоры оглашаютъ слухъ молящихся, какъ эти композиціи безсодержательны по сравненію съ истинными церковными мелодіями нашихъ древнихъ нотныхъ пѣвческихъ книгъ и лучшими переложеніями сихъ мелодій, а также по сравненію съ тѣмъ вообще подлинно церковнымъ пѣніемъ, которое сохранилось еще въ лучшихъ нашихъ монастыряхъ. Тамъ чувствуется духомъ народнаго генія, вдохновеннаго и просвѣщеннаго Христовою вѣрою, созданное пѣніе, а не одно примѣненіе къ словамъ богослужебныхъ пѣснопѣній западныхъ музыкальных приемовъ, отъ которыхъ начинаютъ уже отворачиваться и въ западной церкви, признавая ихъ несоотвѣтствующими важности, серьезности и умиленности, приличествующимъ церковнымъ пѣснопѣніемъ. На дняхъ газеты сообщили, что папою Львомъ XIII сдѣлано распоряженіе о замѣнѣ современныхъ композицій католической церковной музыки древними образцами средневѣковыхъ маэстро (Палестрины и др.). Знаютъ ли и наши руководи-

тели церковныхъ хоровъ, что произведенія Палестрины и др. средневѣковыхъ духовныхъ композиторовъ близко напоминаютъ мелодіи и характеръ нашихъ обиходныхъ напѣвовъ и тѣмъ самымъ подтверждаютъ глубокую древность и несомнѣнную подлинность музыкальнаго сокровища заключеннаго въ церковныхъ пѣвческихъ книгахъ нашихъ? Мы увѣрены, что восторженный отзывъ француза вызванъ именно тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ при благолѣпнѣ митрополичьяго лаврскаго служенія, слышалъ и подлинное церковное пѣніе, ибо, такъ наз. партесное пѣніе, какъ совершенно сходное по духу и приѣмамъ съ католическимъ органнымъ и, слѣдовательно, хорошо знакомое католику—иностранцу, не произвело бы на него того „могучаго и неувидаемаго впечатлѣнія“, о которомъ рассказываетъ французъ.

Указавъ на лестное вниманіе иностранцевъ къ православному богослуженію, а также на то обстоятельство, что теперь уже не рѣдкость встрѣтить въ нашихъ храмахъ за обѣдней или всенощной мало по малу возвращающихся въ лоно прирожденной Церкви и блудныхъ овецъ нашего разбредшагося во всѣ стороны „интеллигентнаго стада“, авторъ приводимой газетной статьи справедливо полагаетъ, что эти отрадныя факты необходимо серьезно принять къ свѣдѣнію и надлежаще отвѣтить на нихъ, какъ подобаетъ, всѣмъ прикосновеннымъ лицамъ. „Церковь православная“, говоритъ онъ, съ „издавна призвана наиболѣе пеннись именно объ этихъ блудныхъ своихъ дѣтяхъ и о невольныхъ отщепенцахъ, отторгнутыхъ отъ нея многообразными историческими судьбами. И вотъ для нихъ то преимущественно особенно важно и нужно, чтобы ужь если не повсюду, то по крайней мѣрѣ хотя бы въ тѣхъ центральныхъ мѣстахъ, которыя наиболѣе посѣщаются, наша церковная служба стояла всегда на долж-

ной высотѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Къ сожалѣнію, часто приходится наблюдать, что даже и въ такихъ централь-ныхъ мѣстахъ, въ особыхъ праздниковъ, у насъ, въ нашей церковной службѣ, совершаются подчасъ довольно прискорбныя „будни“. Нельзя не признать, что на время такихъ „будней“ въ храмахъ было бы наименѣе желательнымъ присутствіе постороннихъ лицъ—и своихъ и чужихъ,—могущихъ вынести совершенно превратное понятіе о красотѣ и благолѣшии нашего церковнаго богослуженія“. „Нѣтъ сомнѣнія, что тѣ или другія внѣшнія несовершенства и недостатки церковнаго богослуженія не могутъ имѣть особеннаго значенія для истинно вѣрующихъ. Внутренній яркій свѣтъ вѣры, наполняющій и умъ, и сердце предстоящаго въ храмѣ христіанина, застилаетъ предъ нимъ все внѣшнее: онъ горитъ въ молитвѣ въ единой непрерываемой сущности и для него совершенно безразличны всѣ тѣ формы, въ которыхъ такъ или иначе выражается эта сущность. Но если у стоящаго въ храмѣ нѣтъ внутри такого огня и такого свѣта, тогда все внѣшнее естественно получаетъ для него совершенно неожиданное значеніе“. (Моск. Вѣд.).

С. М. А.

Погребальныя обряды и обычаи въ связи съ вѣрованіями въ загробную жизнь у персовъ.

Персы вынесли свои религіозныя вѣрованія изъ колыбели человѣчества—Индіи. Несмотря, впрочемъ, на первоначальное сходство вѣрованій персовъ и индусовъ, у послѣдователей Зороастра подробнѣе развито ученіе о безсмертіи души и будущей жизни, чѣмъ у индусовъ. Человѣческій духъ, по ученію персидской религіи, испо-

сылается съ неба, существуетъ независимо отъ тѣла и продолжаетъ жизнь и по разрушеніи его. Душа человѣка по смерти его идетъ или въ рай или въ адъ. Но предварительно душа умершаго восходитъ на гору Альбарда. Между этою горою и мѣстомъ блаженства—жилищемъ Ормузда лежитъ страшная пропасть. Черезъ пропасть перекинуть мостъ узкій, какъ лезвіе бритвы. Праведныхъ, при переходѣ черезъ этотъ мостъ, поддерживаютъ добрые духи. При поддержкѣ добрыхъ духовъ праведники переносятся черезъ мостъ какъ птицы и вступаютъ въ рай, на берегъ рѣки наслажденій, осѣненный деревомъ такой громадной величины, что если бы человѣкъ ѣхалъ верхомъ сорокъ тысячъ лѣтъ, то и въ такой срокъ не могъ бы объѣхать кругомъ одного листа этого дерева. Грѣшники, проходящіе по мосту безъ поддержки добрыхъ духовъ, падаютъ въ темную адскую пропасть. Въ адѣ тьма до такой степени густа, что ее можно осязать рукою. Но это не окончательная судьба человѣка. Наставетъ, по ученію персидской религіи, время всеобщаго воскресенія тѣлъ. Воскресшія тѣла соединятся съ душами для того, чтобы наслаждаться благами будущей жизни вѣчно. Новыя тѣла будутъ подобны эфиру, не будутъ нуждаться въ пищѣ и будутъ безсмертны. ¹⁾

Что касается погребенія у древнихъ персовъ, то оно сопровождалось довольно замѣчательными церемоніями. При наступленіи смерти приглашенный жрецъ (мобедъ) читалъ установленныя на этотъ случай молитвы. Послѣ смерти человѣка все вниманіе было обращено на то, чтобы тѣломъ умершаго не овладѣлъ духъ смерти. Для отгнанія злаго духа къ тѣлу умершаго приводилась собака. По мнѣнію персовъ, одинъ взглядъ собаки могъ

¹⁾ Хрисановъ, Рел. древн. міра; Цебрикова, Суевѣрія чело-
вѣчества, Историч. В. 1884 г. т. 17.

прогнать злаго духа. Затѣмъ могильщики, одѣтые въ старыя платья, съ обвернутыми сукномъ руками, читая молитвы, приготовляли покойника къ погребенію. Послѣ приготовленія тѣло умершаго, совершенно голое, полагалось въ желѣзный ящикъ и при пѣніи священныхъ гимновъ относилось къ могилѣ. Въ могилѣ устроилось отверстие, чтобы трупъ могъ служить пищею собакамъ и птицамъ. Тотъ, чье погребенное тѣло ранѣе другихъ будетъ съѣдено птицами или собаками, по вѣрованію древнихъ персовъ, счастливъ и блаженъ, потому что попадаетъ въ рай. Въ могилѣ покойникъ прикрѣплялся за волосы или за ноги, что бы трупъ не могъ быть вытащенъ изъ могилы и что бы части терзаемаго тѣла не могли попасть на дерево или въ воду, потому что это было бы оскверненіемъ. Послѣ съѣденія трупа животными, могила выравнивалась. По вѣрованію персовъ, душа умершаго первые три дня находится еще на землѣ. Въ первый день она витаетъ около тѣхъ мѣстъ, гдѣ скончался человѣкъ, во второй—около могилы, въ третій день, приближаясь къ трупу, старается оживить его. Точно на четвертый день душа отправляется къ мосту, ведущему въ жилище мертвыхъ. Поэтому въ продолженіе первыхъ трехъ дней по смерти читались молитвы о душѣ, чтобы злые духи не увлекли ее въ адъ. При молитвахъ четвертаго дня приносились добрыми духомъ шесть прѣсныхъ хлѣбовъ, похожихъ на солнце и на луну, чтобы добрые духи проводили душу чрезъ страшный мостъ (чинвать). Въ случаѣ неисполненія обрядовъ четвертаго дня душа будетъ томиться тоскою до дня воскресенія умершихъ. Поминовеніе умершаго совершалось въ 10, 30 и 31 день по кончинѣ, чрезъ полгода, чрезъ годъ и ежегодно въ извѣстные дни. При поминовеніи читалась священная книга Яена и приносилась жертва. ²⁾

²⁾ Хрисавфъ, Рел. дрен. міра; Истор. религій, т. III.

Нужно замѣтить, что древніе погребальныя обряды и обычаи персовъ въ современной Персіи вышли изъ употребленія и замѣнены мусульманскими. Только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ современной Персіи отчасти сохранился древній обрядъ погребенія. Въ гористыхъ мѣстностяхъ Персіи могилы устраиваются изъ кирпича. Въ эти могилы кладутъ покойниковъ открытыми, предоставляя ихъ, по древнему обычаю, на съѣденіе птицамъ. При этомъ наблюдаютъ, который глазъ у покойника прежде выключетъ воронъ: если правый, значитъ усопшій попалъ въ рай; если лѣвый, то онъ попалъ въ адъ. ³⁾

А. Сухожаветъ.

Извѣстія и замѣтки.

Новый архіепископъ Казанскій. Вновь назначенный, на мѣсто покойнаго Владиміра, архіепископъ Арсеній (въ мірѣ Александръ Дмитріевичъ Брянцевъ) уроженецъ Смоленской епархіи (1839 г.), воспитывался въ мѣстной семинаріи и Кіевской Духовной Академіи. По окончаніи академическаго курса со степенью магистра богословія (въ іюль 1867 года), онъ принялъ священство и состоялъ законоучителемъ при Бѣлоцерковской гимназіи, затѣмъ — при Кіево-Подольской прогимназіи и Владимірской военной гимназіи въ Кіевѣ, а также при Кіевскомъ женскомъ Институтѣ (1867—1872 гг.). Овдовѣвъ и принявъ назначеніе на должность ректора Таврической духовной семинаріи (1873 г.), будущій архипастырь былъ постриженъ въ монашество въ Бахчисарайскомъ Успенскомъ скитѣ (1875 г.) и возведенъ въ санъ архимандрита. Хирото-

³⁾ Молчановъ, современная Персія, Историч. В. 1889 г.

писанный во епископа Ладожскаго (17 мая 1882 года), онъ состоялъ викариемъ Петербургской митрополи и съ 13 октября 1883 года ректоромъ Петербургской Духовной Академіи, а 28 марта 1887 года былъ переведенъ на Рижскую епископскую кафедру, гдѣ получилъ санъ архіепископа (15 мая 1893 года) и пребылъ болѣе десяти лѣтъ до своего нынѣшняго назначенія. Его духовно-просвѣтительная дѣятельность оставила яркій слѣдъ въ Рижской епархіи: имъ сооружено много храмовъ и извѣстный монастырь Пюхтицкій, открыто нѣсколько церковно-приходскихъ школъ и миссіонерская бібліотека, заведены внѣбогослужебныя церковныя чтенія и собесѣдованія. Кроме того, имъ самимъ изданы: магистерское изслѣдованіе *Потрісрхъ Кириллъ Лукарисъ и его заслуги для Православной Церкви* (Спб. 1870 г.), *Путеводитель къ святынямъ Кіево-Печѣрской Лавры*, *Историко-статистическія свѣдѣнія о С.-Петербургской епархіи*, *Слова и рѣчи*. (М. В.)

Благотворное вліяніе пѣнія на здоровье. Благотворное вліяніе пѣнія на здоровье не подлежитъ, по мнѣнію доктора Барса, изучавшаго этотъ вопросъ, никакому сомнѣнію. Въ своей статьѣ, помѣщенной въ „Архивъ ларингологіи и ринологіи“, докторъ Барсъ, отбросивъ въ сторону эстетическую точку зрѣнія, разсматриваетъ пѣніе, какъ тѣлесное упражненіе, которое имѣетъ большое вліяніе на разныя отправленія организма. Прежде всего пѣніе находится въ связи съ дыханіемъ, такъ какъ при пѣніи человѣкъ нуждается въ гораздо „большомъ запасѣ“ воздуха, чѣмъ при обыкновенной разговорной рѣчи, изъ чего слѣдуетъ, что пѣніе оказываетъ главнымъ образомъ вліяніе на дѣятельность легкихъ. Какъ всѣ остальные

главные органы, легкія нуждаются въ упражненіи. Посредствомъ послѣдняго пѣвецъ значительно увеличиваетъ то количество воздуха, которое легкія могутъ выѣстить при дыханіи. При обыкновенномъ дыханіи они не могутъ дойти до той степени растяженія, какъ при глубокомъ вдыханіи, производимомъ во время пѣнія и не могутъ такъ сжаться, какъ при усиленномъ выдыханіи. При дыханіи въ обыкновенныхъ условіяхъ человѣкъ вдыхаетъ и выдыхаетъ приблизительно около 500 кубическихъ сантиметровъ воздуха, т.-е. количество, равняющееся $\frac{1}{6}$ — $\frac{1}{7}$ части всего объема его легкихъ, тогда какъ при пѣніи онъ дѣлаетъ не только болѣе глубокія вдыханія, но и цолнѣе расходуетъ поглощаемый запасъ воздуха. Обмѣнъ воздуха и освѣженіе легкихъ происходятъ слѣдовательно гораздо совершеннѣе, чѣмъ при обыкновенномъ дыханіи, что влечетъ за собою усиленное развитіе не только дыхательной мускулатуры, но и груднаго ящика и горла, т.-е. наиболѣе важныхъ частей всего тѣла. Глубокое вдыханіе, какъ уже было сказано, увеличиваетъ объемъ груднаго ящика и тѣмъ самымъ выпрямляетъ позвоночный столбъ; каждый поющій инстинктивно принимаетъ болѣе прямое положеніе. Слѣдовательно, пѣніе есть мускульная гимнастика, которая естественно оказываетъ вліяніе на обмѣнъ веществъ всего тѣла. Важнѣе всего то, что посредствомъ продолжительнаго вдыханія ребра и реберные хрящи пріобрѣтаютъ эластичность. Старческая одышка происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что съ годами, вслѣдствіе отсутствія упражненія, реберные хрящи теряютъ присущую имъ эластичность. Большое вліяніе оказываетъ также пѣніе на кровообращеніе и приливъ крови къ легкимъ. Чѣмъ глубже вдыханіе, тѣмъ обильнѣе приливъ крови къ сердцу и къ легкимъ, тѣмъ быстрѣе совершается кровообращеніе, что, въ свою очередь,

предохраняетъ отъ чахотки. Профессиональные пѣвцы и пѣвицы только въ исключительныхъ случаяхъ заболѣваютъ чахоткою, тогда какъ глухонѣмые, лишенные возможности усиливать работу дыхательныхъ органовъ разговоромъ, часто страдаютъ этою болѣзнью. Воздухъ, выдыхаемый человѣкомъ, всегда насыщенъ водяными парами, количество которыхъ увеличивается при усиленномъ выдыханіи, что влечетъ за собою усиленіе потребности въ питьѣ и, такимъ образомъ, косвенно вліяетъ на пищеварительные органы. Многіе поющіе замѣчали, при правильныхъ ежедневныхъ упражненіяхъ, увеличеніе аппетита и улучшеніе питанія, что приписывается также и гимнастикѣ грудобрюшной преграды и брюшной области, приходящей въ движеніе подъ вліяніемъ расширенія легкихъ. Носовыя отверстія дѣлаются болѣе проницаемыми для воздуха, музыкальный слухъ обостряется. Изъ всего вышесказаннаго,, по мнѣнію доктора Барса, слѣдуетъ что пѣніе оказываетъ благотворное вліяніе на весь организмъ человѣка. По его словамъ, каждый домашній врачъ можетъ убѣдиться на практикѣ, что тѣ члены семьи, которые упражняются въ пѣніи, имѣютъ всегда болѣе развитые дыхательные органы и отличаются болѣе крѣпкимъ сложеніемъ, чѣмъ не поющіе.

(Пр. В.)

Сочиненія Священника Законоучителя Иліи Ливанскаго.

- 1) „Каинъ и Авель“, библ. поэма въ стих., ц. 15 коп., съ перес. 20 коп.
- 2) „Многостр. Іовъ“, б. п. въ ст., съ рис., 2 изд., ц. 15—20 к.
- 3) „Св. Св.-муч. Іоаннъ Кукша, Просвѣтитель Вятчсѣй“, стихотв., ц. 7—10 к.,
- 4) „Преп. Тихонъ, Калужскій Чудотворецъ“, стихотв. „по пов. испол. 16. іюня 1892 г. 400 л. со дня его блаж. кончины“, — нѣтъ въ прод.
- 5) Тоже стихотв. въ юбил. изд. „Тих. пустынь 16 іюня 1892 г. Празд. 400-л. со дня блажен. конч. (1492 года 16 іюня) основ. пуст., Преп. Тихона, К. Ч.“
- 6) Тоже стих., изд. 2., знач. испр. и дополн., съ 2 изоб. Уг. Ъ., ц. 7—10 к.
- 7) „На смерть Монарха — Отца, Царя — Миротворца“, стих. ц. 1—3 к.
- 8) „Священ. памяти въ Возѣ поч. Монарха — Отца, Царя Миротворца“, стих., ц. 1—3 к.
- 9) „Блаж. памяти Свят. В. Іосифа Сѣмашко, М. Лит. и Вил.“, стих. ц. 5—7 к. и 7—10 к.
- 10) „Изъ записокъ М. Іос. Сѣм.“ — нѣтъ въ прод.
- 11) „На см. В-пр. Димитрія, Архіеп. Херс. и Одес.“, стих., цѣна 1—3 к.
- 12) „Блаж. пам. В-пр. Димитрія“, стих., ц. 3—5 к.
- 13) „Поминки“, сборн. стих., ц. 75 к.—1 р. и 1 р.—1 р. 25 к.
- 14) „Св. первоверх. Ап. Хр. Петръ и Павелъ“, рѣчь.
- 15) „О дѣят. бр.—хр. любви къ ближнему“, рѣчь; нѣтъ въ продажѣ.
- 16) „Два слова“ по пов. пережит. и переувств., ц. 20—25 к.
- 17) Свящ. памяти Царя — Освоб. и Его славн. спод., слово, ц. 10—15 к. и 15—20 коп.
- 18) „За Крестъ Христовъ и Вѣру Святую“, ц. 10—15 к. и 15—20 к.
- 19) „Отголоски современности“ (двѣ предш. брощ. вм.), ц. 20—25 к. и 30—35 к.
- 20) „Слово въ день 19 октября 1889 гсда“ — нѣтъ въ прод.
- 21) „Слово въ день Восш. на прест. Благоч. Гос. Имп. Николая Александровича“, — нѣтъ въ продажѣ.
- 22) „Слово въ день Тезоименитства Госуд. Наслѣд. Цесар. Георгія Александровича“

вича“, — нѣтъ въ прод. 23) Привѣт. рѣчь Орлов. Каедр. Прот. П. Ѳ. Полидорову“, — нѣтъ въ прод. 24) „Слово при погр. Священ. Законоуч. А. И. Вознесенскаго“, — нѣтъ въ прод. 25) „Архим. Манарій Глухаревъ (Къ свѣден. о его личности и къ матеріаламъ для его біографіи)“, — нѣтъ въ прод. 26) „Блаж. памяти Архим. Манарія, основ. Алт. миссіи“, стих., ц. 5—7 к. и 7—10 к. 27) Почив. въ Болховской Оптин. пустыни Архим. Манарій Глухаревъ, основатель Алтайской миссіи“, цѣна 7—10, 10—15 и 15—20 к. 28) „Нѣкоторыя черты изъ жизни Архимандрита Манарія во вр. пребыванія его въ Болховѣ“, ц. 50—65, 40—55 и 75 к.—1 р. Имѣющіяся въ продажѣ изданія, изъ числа означенныхъ здѣсь, можно получать у автора, *Законоу. Александр. Орлов. реал. училища*, а также въ *Орлов. книжн. магазинахъ*, въ *Спб.* въ кн. м. *И. Л. Тузова*, въ *Москвѣ*, *Тулѣ*, *Воронежѣ*, *Вьлеств.*, *Болховѣ*, *Мценскѣ* и другихъ городахъ.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ КНИГА:

**„Житіе и страданіе Св. Священномученика
КУКШИ, просвѣтителя Орловскаго края“.**

Орель. 1895 года. Изданіе Совѣта Братства Свм. КУКШИ, въ г. Мценскѣ.

Цѣна 10 коп. Выписывающіе 10 и болѣе экземпляровъ пользуются уступкою 10% съ рубля.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ П. В. Иванова, въ г. Мценскѣ.

Редакторъ, Каедральный Протоіерей М. Смирновъ.

Орель. Типографія В. П. Матвѣева.

Дозв. Ценз. Орель. Октября 26-го дня 1897 года.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ редакціи Орловскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей поступила въ продажу книга: **Резолюціи Московскаго Митрополита Филарета по разнымъ раздѣламъ и главамъ Устава Духовныхъ Консисторій и по управленію духовно-учебными заведеніями,**—необходимая каждому духовному пастырю въ его пастырской дѣятельности. Цѣна **4** руб. безъ пересылки: пересылка за 2 ф. по разстоянію.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

	СТР.
1. Распоряженія Епархіальнаго Начальства . . .	1593
2. Отчетъ Іоанно-Вогословскаго Попечительства . . .	1594
3. Праздныя мѣста	1599
4. Извѣстія	1600

II. ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

5. Слово въ день Апостола Іоанна Богослова . . .	1603
6. Замѣчательный отзывъ француза	1617
7. Погребальныя обряды	1624
8. Извѣстія и замѣтки	1627
9. Объявленія	1631

Цѣна годоваго изданія Орловскихъ Епархіальныхъ
Вѣдомостей **6** руб. **50** коп.
